Tolstoi, Lev Nikolaevich, Graf
Сказка объ Иванѣ Дуракѣ.

Transliterated:
Skazka ob Ivanye Durakye.

СКАЗКА
ОБЪ
ИВАНѢ ДУРАКѢ
И ЕГО ДВУХЪ БРАТЬЯХЪ:

Семенѣ-воинѣ и Тарасѣ-брюханѣ, и нѣмой сестрѣ Маланьѣ,

и

О СТАРОМЪ ДЬЯВОЛѢ И ТРЕХЪ ЧЕРТЕНЯТАХЪ.

Графа Льва Н. Толстого.

ЛЕЙПЦИГЪ, Вольфгангъ Гергардъ. | LEIPZIG, Wolfgang Gerhard.

1892.

I.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ богатый мужикъ. И было у богатаго мужика три сына: Семенъ-воинъ, Тарасъ-брюханъ и Иванъ-дуракъ, и дочь Маланья-вѣкоуха нѣмая. Пошелъ Семенъ-воинъ на войну, царю служить, — Тарасъ-брюханъ пошелъ въ городъ — къ купцу, торговать, а Иванъ дуракъ съ дѣвкою остался дома работать, горбъ наживать. Выслужилъ себѣ Семенъ-воинъ чинъ большой и вотчину, и женился на барской дочери. Жалованье большое было, и вотчина большая, а все концы съ концами не сводилъ: что мужъ соберетъ, все жена-барыня рукавомъ растрясетъ; все денегъ нѣтъ. И пріѣхалъ Семенъ-воинъ въ вотчину доходы собирать. Приказчикъ ему и говоритъ: Не съ чего взять; —

нѣтъ у насъ ни скотины, ни снасти: ни лошади, ни коровы, ни сохи, ни бороны, надо всего завести.

— Тогда доходы будутъ.

И пошелъ Семенъ-воинъ къ отцу: ты, говоритъ, батюшка, богатъ, а мнѣ ничего не далъ. Отдѣли мнѣ третью часть, я въ свою вотчину переведу. Старикъ и говоритъ:

— Ты мнѣ въ домъ ничего не подавалъ, за что тебѣ третью часть давать. Ивану съ дѣвкой обидно будетъ.

А Семенъ говоритъ:

Да вѣдь онъ дуракъ, а она — вѣкоуха нѣмая, чего имъ надо. Старикъ и говоритъ: какъ Иванъ скажетъ.

А Иванъ говоритъ: — Ну, что жъ, пускай беретъ.

Взялъ Семенъ-воинъ часть изъ дома, перевелъ въ свою вотчину, опять уѣхалъ къ царю служить.

Нажилъ и Тарасъ-брюханъ денегъ много, — женился на купчихѣ, да все ему мало было, пріѣхалъ къ отцу и говоритъ: — Отдѣли мнѣ мою часть.

Не хотѣлъ старикъ и Тарасу давать часть: — Ты, говоритъ, намъ ничего не подавалъ, а

что въ домѣ есть, то Иванъ наложилъ. Тоже и его съ дѣвкой обидѣть нельзя.

А Тарасъ говоритъ: На что ему, онъ дуракъ, жениться ему нельзя, никто не пойдетъ, а дѣвкѣ нѣмой тоже ничего не нужно. Давай, говоритъ, Иванъ, мнѣ хлѣба половинную часть, я снасти брать не буду, а изъ скотины только жеребца сиваго возьму — тебѣ онъ пахать не годится.

Засмѣялся Иванъ. — Ну, что жъ, говоритъ, я пойду обратаю.

Отдали и Тарасу часть. Увезъ Тарасъ хлѣбъ въ городъ, увелъ жеребца сиваго, и остался Иванъ съ одной кобылой старой по прежнему крестьянствовать — отца съ матерью кормить.

II.

Досадно стало старому дьяволу, что не поссорились въ дѣлежкѣ братья, а разошлись по любви. И кликнулъ онъ трехъ чертенятъ.

— Вотъ, видите, говоритъ, три брата живутъ: Семенъ-воинъ, Тарасъ-брюханъ и Иванъ-дуракъ. Надо бы имъ всѣмъ перессориться, а они мирно живутъ: другъ съ дружкой хлѣбъ-соль водятъ. Дуракъ мнѣ всѣ дѣла испортилъ.

Подите вы втроемъ, — возьмитесь за троихъ и смутите ихъ такъ, чтобы они другъ дружкѣ глаза повыдрали. Можете ли это сдѣлать?

— Можемъ, говорятъ.

— Какъ же вы дѣлать будете?

— А такъ, говорятъ, сдѣлаемъ: разоримъ ихъ сперва, чтобъ имъ жрать нечего было, а потомъ собьемъ въ одну кучу, они и передерутся.

— Ну, ладно, говоритъ; — я вижу: вы дѣло знаете. Ступайте, и ко мнѣ не ворочайтесь, пока всѣхъ троихъ не смутите, а то со всѣхъ троихъ шкуру спущу.

Пошли чертенята всѣ въ болото, стали судить, какъ за дѣло браться: спорили, спорили, — каждому хочется полегче работу выгодать, и порѣшили на томъ, что жеребій кинуть, какой кому достанется. А коли кто раньше другихъ отдѣлается, чтобъ приходилъ другимъ подсоблять. Кинули жребій чертенята и назначили срокъ, опять когда въ болотѣ собраться — узнать, кто отдѣлался, и кому подсоблять итти.

Пришелъ срокъ, и собрались по уговору чертенята въ болотѣ. Стали толковать, какъ у кого дѣла. Сталъ разсказывать первый чертенокъ — отъ Семена-воина.

— Мое дѣло, говоритъ, ладится. Завтра, говоритъ, мой Семенъ къ отцу придетъ. Стали его товарищи спрашивать, какъ ты, говорятъ, сдѣлалъ?

— А я, говоритъ, первымъ дѣломъ, храбрость такую на Семена навелъ, что онъ обѣщалъ своему царю весь свѣтъ завоевать, и сдѣлалъ царь Семена начальникомъ, послалъ его воевать индѣйскаго царя. Сошлись воевать. А я въ ту же ночь въ Семеновомъ войскѣ весь порохъ подмочилъ и пошелъ къ индѣйскому царю, изъ соломы солдатъ надѣлалъ видимо-невидимо. Увидали Семеновы солдаты, что на нихъ со всѣхъ сторонъ соломенные солдаты заходятъ — заробѣли. Велѣлъ Семенъ палить: пушки, ружья не выходятъ. Испугались Семеновы солдаты и побѣжали какъ бараны. И побилъ ихъ индѣйскій царь. Осрамился Семенъ, — отняли у него вотчину и завтра казнить хотятъ. Только мнѣ на день и дѣла осталось, изъ темницы его выпустить, чтобы онъ домой убѣжалъ. Завтра отдѣлаюсь, такъ сказывайте, кому изъ двухъ помогать приходить?

Сталъ и другой чертенокъ, отъ Тараса, разсказывать про свои дѣла:

— Мнѣ, говоритъ, помогать не нужно, мое

дѣло тоже на ладъ пошло, больше недѣли не проживетъ Тарасъ. Я, говоритъ, первымъ дѣломъ, отростилъ ему брюхо и навелъ на него зависть. Такая у него зависть на чужое добро сдѣлалась, что, что ни увидитъ, все ему купить хочется. Накупилъ онъ видимо невидимо на всѣ свои деньги, и все еще покупаетъ. Теперь ужъ сталъ на заемныя покупать. Ужъ много на шею набралъ, и запутался такъ, что не распутается. Черезъ недѣлю сроки подойдутъ отдавать, а я изъ всего товара его навозъ сдѣлаю — не расплатится и пріѣдетъ къ отцу.

Стали спрашивать и третьяго чертенка, отъ Ивана. А твое дѣло какъ?

— Да, что, говоритъ, мое дѣло не ладится. Наплевалъ я ему, первымъ дѣломъ въ кувшинъ съ квасомъ, чтобы у него животъ болѣлъ, и пошелъ на его пашню, сбилъ землю какъ камень, чтобъ онъ не осилилъ. Думалъ я, что онъ не вспашетъ, а онъ дуракъ, пріѣхалъ съ сохой началъ драть. Кряхтитъ отъ живота, а самъ все пашетъ. Изломалъ я ему одну соху, — поѣхалъ онъ домой, переладилъ другую, подвои новые подвязалъ и опять принялся пахать. Залѣзъ я подъ землю, сталъ за сошники держать, не удержишь никакъ, — налегаетъ на соху, а

сошники вострые; изрѣзалъ мнѣ руки всѣ. Почти все допахалъ, одна только полоска осталась. Приходите, говоритъ, братцы, помогать, а то, какъ мы его одного не осилимъ, всѣ наши труды пропадутъ. Если дуракъ останется, да крестьянствовать будетъ, они нужды не увидятъ: онъ обоихъ братьевъ кормить будетъ.

Пообѣщалъ чертенокъ отъ Семена воина на завтра приходить помогать, и разошлись на томъ чертенята.

III.

Вспахалъ Иванъ весь паръ, только одна полоска осталась. Пріѣхалъ допахивать. Болитъ у него животъ, а пахать надо. Выхлеснулъ гужи, перевернулъ соху и поѣхалъ пахать. Только завернулся разъ, поѣхалъ назадъ — ровно за корень зацѣпило — волочетъ. А это чертенокъ ногами вокругъ рассохи заплелъ, — держитъ. — Что за чудо! думаетъ Иванъ, корней тутъ не было, а корень. Запустилъ Иванъ руку въ борозду, ощупалъ — мягкое. Ухватилъ что-то, вытащилъ. Черное какъ корень, а на корнѣ что-то шевелится. — Глядь: — чертенокъ живой. Ишь, ты, говоритъ, пакость ка-

кая! Замахнулся Иванъ, хотѣлъ о приголовокъ пришибить его, да запищалъ чертенокъ. — Не бей меня, говоритъ, а я тебѣ, что хочешь сдѣлаю.

— Что жъ ты мнѣ сдѣлаешь?

— Скажи только, чего ты хочешь.

Почесался Иванъ. — Брюхо, говоритъ, болитъ у меня, поправить можешь?

— Могу, говоритъ.

— Ну, лѣчи.

Нагнулся чертенокъ въ борозду, — пошарилъ, пошарилъ когтями, выхватилъ корешокъ — тройчатку, подалъ Ивану.

— Вотъ, говоритъ, кто ни проглотитъ одинъ корешокъ — всякая боль пройдетъ.

Взялъ Иванъ, разорвалъ корешки, проглотилъ одинъ. Сейчасъ животъ прошелъ.

Запросился опять чертенокъ: — Пусти, говоритъ, теперь меня, я въ землю проскочу, — больше ходить не буду.

— Ну, что жъ, говоритъ, Богъ съ тобой! И какъ только сказалъ Иванъ про Бога — юркнулъ чертенокъ подъ землю какъ камень въ воду, только дыра осталась. Засунулъ Иванъ два остальныхъ корешка въ шапку и сталъ допахивать. Запахалъ до конца полоску, перевернулъ

соху и поѣхалъ домой. Отпрягъ, пришелъ въ избу. А старшій братъ, Семенъ-воинъ, сидитъ съ женой — ужинаютъ. Отняли у него вотчину, — насилу изъ тюрьмы ушелъ, и прибѣжалъ къ отцу жить.

Увидалъ Семенъ Ивана:

Я, говоритъ, къ тебѣ жить пріѣхалъ; корми насъ съ женой, пока мѣсто новое выйдетъ.

— Ну, что жъ, говоритъ, живите.

Только хотѣлъ Иванъ на лавку сѣсть: — не понравился барынѣ духъ отъ Ивана. Она и говоритъ мужу: не могу я, говоритъ, съ вонючимъ мужикомъ вмѣстѣ ужинать.

Семенъ воинъ и говоритъ:

— Моя барыня говоритъ: отъ тебя духъ не хорошъ, ты бы въ сѣняхъ поѣлъ.

— Ну, что жъ, говоритъ. Мнѣ и такъ въ ночное пора — кобылу кормить.

Взялъ Иванъ хлѣба, кафтанъ и поѣхалъ въ ночное.

IV.

Отдѣлался въ эту ночь чертенокъ отъ Семена-воина, и пришелъ по уговору Иванова чертенка искать, ему помогать, дурака донимать.

Пришелъ на пашню: — поискалъ, поискалъ товарища, — нѣтъ нигдѣ, — только дыру нашелъ. »Ну«, думаетъ, »видно съ товарищемъ бѣда случилась, надо на его мѣсто становиться. Пашня допахана, — надо будетъ дурака на покосѣ донимать«.

Пошелъ чертенокъ въ луга, напустилъ на Ивановъ покосъ паводокъ; затянуло весь покосъ грязью. Вернулся на зорькѣ Иванъ изъ ночного, отбилъ косу, пошелъ луга косить. Пришелъ Иванъ — сталъ косить: — махнетъ разъ, махнетъ другой — затупится коса, не рѣжетъ — точить надо. Бился, бился Иванъ, — нѣтъ, говоритъ, пойду домой, отбой принесу, да хлѣба ковригу. Хоть недѣлю пробьюсь, а не уйду, пока не выкошу. Услыхалъ чертенокъ — задумался: — калянъ, говоритъ, уракъ этотъ, не проймешь его. Надо на другія штуки подниматься.

Пришелъ Иванъ, отбилъ косу, сталъ косить. Залѣзъ чертенокъ въ траву, сталъ косу за пятку ловить, носкомъ въ землю тыкать. Трудно Ивану, однако выкосилъ покосъ, — осталась одна дѣлянка въ болотѣ. Залѣзъ чертенокъ въ болото, думаетъ себѣ: хоть лапы перерѣжу, не дамъ выкосить. Зашелъ Иванъ въ болото; тра-

ва смотрѣть — не густая, а не проворотитъ косы. Разсердился Иванъ, началъ во всю мочь махать: сталъ чертенокъ подаваться, — не поспѣваетъ отскакивать, видитъ — дѣло плохо — забился въ кустъ. Размахнулся Иванъ, шаркнулъ по кусту, отхватилъ чертенку половину хвоста. Докосилъ Иванъ покосъ, велѣлъ дѣвкѣ грести, а самъ пошелъ рожь косить.

Вышелъ съ крюкомъ, а кургузый чертенокъ ужъ тамъ, перепуталъ рожь — такъ что на крюкъ нейдетъ. Вернулся Иванъ; взялъ серпъ и принялся жать: — выжалъ всю рожь:

Ну, теперь, говоритъ, надо за овесъ браться. Услыхалъ кургузый чертенокъ, — думаетъ: на ржи не донялъ, такъ на овсѣ дойму, — дай только утра дождаться. Прибѣжалъ чертенокъ утромъ на овсяное поле, а овесъ уже скошенъ. Иванъ его ночью скосилъ, чтобъ меньше сыпался. Разсердился чертенокъ: изрѣзалъ, говоритъ, меня и замучилъ дуракъ. И на войнѣ такой бѣды не видалъ. Не спитъ проклятый, за нимъ не поспѣешь. Пойду, говоритъ, теперь въ копны, прогною ему всѣ.

И пошелъ чертенокъ въ ржаную копну, залѣзъ между снопами — сталъ гноить: согрѣлъ ихъ и самъ согрѣлся и задремалъ.

А Иванъ запрегъ кобылу и поѣхалъ съ дѣвкой возить. Подъѣхалъ къ копнѣ, сталъ кидать на возъ, — скинулъ два снопа, сунулъ, прямо чертенку въ задъ, поднялъ — глядь: на вилахъ чертенокъ живой, да еще кургузый, барахтается, ужимается, соскочить хочетъ.

— Ишь, ты, говоритъ, пакость какая! Ты опять тутъ?

— Я, говоритъ, другой, то мой братъ былъ. А я у твоего брата Семена былъ.

— Ну, говоритъ, какой ты тамъ ни будь, и тебѣ то же будетъ; хотѣлъ его объ грядку пришибить, да сталъ его просить чертенокъ:

— Отпусти, говоритъ, больше не буду, — а я тебѣ, что хочешь, сдѣлаю.

— Да что ты сдѣлать можешь?

— А я, говоритъ, могу изъ чего хочешь солдатъ надѣлать.

— Да на что ихъ?

— А на что, говоритъ, хочешь, поверни ихъ: они все могутъ.

— Пѣсни играть могутъ?

— Могутъ.

— Ну, чтожъ, говоритъ, сдѣлай.

И сказалъ чертенокъ:

— Возьми, ты, вотъ, снопъ ржаной, тряхни

его о землю гузомъ и скажи только: Велитъ мой холопъ, чтобъ былъ не снопъ, а сколько въ тебѣ соломинокъ, столько бы солдатъ.

Взялъ Иванъ снопъ, тряхнулъ о земь и сказалъ, какъ велѣлъ чертенокъ. И разскочился снопъ, и сдѣлались солдаты, и впереди барабанщикъ и трубачъ играютъ. Засмѣялся Иванъ.

— Ишь ты, говоритъ, какъ ловко. Это говоритъ, хорошо, — дѣвокъ веселить.

— Ну, говоритъ, чертенокъ, пусти же теперь.

— Нѣтъ, говоритъ, это я изъ старновки дѣлать буду, а то даромъ зерно пропадаетъ. Научи, какъ опять въ снопъ поворотить. Я его обмолочу.

Чертенокъ и говоритъ:

— Скажи — сколько солдатъ, столько соломинокъ. Велитъ мой холопъ, будь опять снопъ. Сказалъ такъ Иванъ, и сталъ опять снопъ.

И сталъ опять проситься чертенокъ: пусти, говоритъ, теперь.

— Ну, что жъ! Зацѣпилъ его Иванъ за грядку, придержалъ рукой, сдернулъ съ вилъ. — Съ Богомъ, говоритъ; и только сказалъ про Бога, — юркнулъ чертенокъ подъ землю какъ камень въ воду, только дыра осталась.

Пріѣхалъ Иванъ домой, а дома и другой братъ, Тарасъ, съ женой сидятъ, — ужинаютъ. Не расчелся Тарасъ-брюханъ, убѣжалъ отъ долговъ и пришелъ къ отцу. Увидалъ Ивана:

— Ну, говоритъ, Иванъ, пока я расторгуюсь, корми насъ съ женой.

— Ну, что жъ, говоритъ, живите. Снялъ Иванъ кафтанъ, сѣлъ къ столу.

А купчиха говоритъ:

Я, говоритъ, съ дуракомъ кушать не могу. Отъ него, говоритъ, потомъ воняетъ.

Тарасъ-брюханъ и говоритъ:

— Отъ тебя, говоритъ, Иванъ, духъ не хорошъ — поди въ сѣняхъ поѣшь.

— Ну, что жъ, говоритъ, взялъ хлѣба, ушелъ на дворъ. Мнѣ, говоритъ, кстати, въ ночное пора — кобылу кормить.

V.

Отдѣлался въ эту ночь и отъ Тараса чертенокъ, пришелъ по уговору товарищамъ помогать, Ивана дурака донимать. Пришелъ на пашню — поискалъ, поискалъ товарищей — нѣтъ никого, — только дыру нашелъ; пошелъ на луга, — въ болотѣ хвостъ нашелъ, а на ржа-

номъ жнивѣ и другую дыру нашелъ. — Ну, думаетъ: видно надъ товарищами бѣда случилась, надо на ихъ мѣсто становиться, за дурака приниматься.

Пошелъ чертенокъ Ивана искать. А Иванъ ужъ съ поля убрался, въ рощѣ лѣсъ рубитъ.

Стало братьямъ тѣсно жить вмѣстѣ, велѣли дураку себѣ на избы лѣсъ рубить, новые дома строить.

Прибѣжалъ чертенокъ въ лѣсъ, залѣзъ въ сучья, сталъ мѣшать Ивану деревья валить. Подрубилъ Иванъ дерево, какъ надо, чтобъ на чистое мѣсто упало, сталъ валить — дуромъ пошло дерево, повалилось куда не надо, на сукахъ застряло. Вырубилъ Иванъ рочагъ, началъ отворачивать — насилу свалилъ дерево. Сталъ Иванъ рубить другое — опять то-же. Бился, бился, насилу выпросталъ. Взялся за третье, — опять то-же. Думалъ Иванъ хлыстовъ полсотни срубить, и десятка не срубилъ, а ужъ ночь на дворѣ. И измучился Иванъ. Валитъ отъ него паръ, какъ туманъ по лѣсу пошелъ, а онъ все не бросаетъ. Подрубилъ онъ еще дерево, и заломило ему спину — такъ что мочи не стало: — воткнулъ топоръ, и присѣлъ отдохнуть. Услыхалъ чертенокъ, что затихъ Иванъ, обра-

довался. — Ну, думаетъ, — выбился изъ силъ — броситъ; отдохну теперь и я; сѣлъ верхомъ на сукъ и радуется. А Иванъ поднялся, вынулъ топоръ, размахнулся, да какъ тяпнетъ съ другой стороны, сразу затрещало дерево — грохнулось. Не спопашился чертенокъ, не успѣлъ ногъ выпростать, сломался сукъ и защемилъ чертенка за лапу. Сталъ Иванъ очищать — глядь чертенокъ живой. Удивился Иванъ.

— Ишь, ты, говоритъ, пакость какая! ты опять тутъ!

— Я, говоритъ, другой. Я у твоего брата Тараса былъ.

— Ну, какой-бы ты ни былъ, и тебѣ то-же будетъ. Замахнулся Иванъ топоромъ, хотѣлъ его обухомъ пристукнуть.

Взмолился чертенокъ: — не бей, говоритъ, меня, я тебѣ, что хочешь сдѣлаю.

— Да что же ты сдѣлать можешь?

— А я, говоритъ, могу тебѣ денегъ сколько хочешь надѣлать.

— Ну, что жъ, говоритъ, надѣлай. И научилъ его чертенокъ.

— Возьми ты, говоритъ, листу дубоваго съ этого дуба и потри въ рукахъ. На земь золото будетъ.

Взялъ Иванъ листьевъ, потеръ — посыпалось золото.

— Это, говоритъ, хорошо, когда на гулянкахъ съ ребятами играть.

— Пусти же, говоритъ чертенокъ.

— Ну, что жъ! Взялъ Иванъ рочагъ, выпросталъ чертенка. — Богъ съ тобой, говоритъ; и какъ только сказалъ про Бога, юркнулъ чертенокъ подъ землю какъ камень въ воду, только дыра осталась.

VI.

Построили братья дома и стали жить по́рознь. А Иванъ убрался съ поля, пива наварилъ и позвалъ братьевъ гулять. Не пошли братья къ Ивану въ гости: — не видали, мы, говорятъ, мужицкаго гулянья!

Угостилъ Иванъ мужиковъ, бабъ и самъ выпилъ — захмѣлѣлъ и пошелъ на улицу въ хороводы. Подошелъ Иванъ къ хороводамъ, велѣлъ бабамъ себя величать.

— Я, говоритъ, вамъ того дамъ, чего вы въ жизнь не видали. Посмѣялись бабы и стали его величать. Отвеличали и говорятъ:

— Ну, что жъ, давай.

— Сейчасъ, говоритъ, принесу. Ухватилъ сѣвалку, побѣжалъ въ лѣсъ. Смѣются бабы: то-то дуракъ. И забыли про него. Глядь: — бѣжитъ Иванъ назадъ, несетъ сѣвалку полну чего-то.

— Одѣлять, что ли?

— Одѣляй.

Захватилъ Иванъ горсть золота — кинулъ бабамъ. Батюшки! Бросились бабы подбирать; выскочили мужики, другъ у дружки рвутъ — отнимаютъ. Старуху одну чуть до смерти не задавили. Смѣется Иванъ.

— Ахъ, вы дурачки, говоритъ, зачѣмъ вы бабушку задавили. Вы полегче, а я вамъ еще дамъ: сталъ еще швырять. Сбѣжался народъ — разшвырялъ Иванъ всю сѣвалку. Стали просить еще. А Иванъ говоритъ: вся. Другой разъ еще дамъ. Теперь давайте плясать — играйте пѣсни.

Заиграли бабы пѣсни.

— Не хороши, говоритъ, ваши пѣсни.

— Какія же, говорятъ, лучше?

— А я, говоритъ, вотъ вамъ покажу сейчасъ. Пошелъ на гумно, выдернулъ снопъ, обилъ его, поставилъ на гузо — стукнулъ. — Ну, говоритъ, сдѣлай холопъ, чтобы былъ не

снопъ, а каждая соломинка — солдатъ. Разскочился снопъ, стали солдаты: — заиграли барабаны, трубы. Велѣлъ Иванъ солдатамъ пѣсни играть, — вышелъ съ ними на улицу. Удивился народъ. Поиграли солдаты пѣсни, и увелъ ихъ Иванъ назадъ на гумно, а самъ не велѣлъ никому за собой ходить, и сдѣлалъ опять солдатъ снопомъ, бросилъ на одонье. Пришелъ домой и легъ спать въ закуту.

VII.

Узналъ на утро про эти дѣла старшій братъ Семенъ-воинъ — приходитъ къ Ивану.

— Открой, ты, мнѣ, говоритъ, откуда ты солдатъ приводилъ, и куда увелъ.

— А на что, говоритъ, тебѣ?

— Какъ на что? Съ солдатами все сдѣлать можно. Можно себѣ царство добыть.

Удивился Иванъ.

— Ну? Чтожъ ты, говоритъ, давно не сказалъ. Я тебѣ сколько хочешь надѣлаю. Благо мы съ дѣвкой много насторновали. Повелъ Иванъ брата на гумно и говоритъ: смотри же, я ихъ дѣлать буду, а ты ихъ уводи, а то, коли ихъ кормить, такъ они въ одинъ день всю де-

ревню слопают. Обѣщал Семенъ-воинъ увести солдатъ, и началъ Иванъ ихъ дѣлать. Стукнетъ по току снопомъ — рота; стукнетъ другимъ — другая — надѣлалъ ихъ столько, что все поле захватили.

— Что-жъ, будетъ, что ли?

Обрадовался Семенъ и говоритъ: будетъ. Спасибо, Иванъ.

— То-то, говоритъ! Коли тебѣ еще надо, ты приходи, я еще надѣлаю. Соломы нынче много.

Сейчасъ распорядился Семенъ-воинъ войскомъ, собралъ ихъ, какъ слѣдуетъ и пошелъ воевать.

Только ушелъ Семенъ-воинъ, приходитъ Тарасъ-брюханъ — тоже узналъ про вчерашнее дѣло, сталъ брата просить:

— Открой мнѣ, откуда ты золотыя деньги берешь? Кабы у меня такія вольныя деньги были, я бы къ этимъ деньгамъ со всего свѣта деньги собралъ.

Удивился Иванъ. — Ну? Ты бы давно, говоритъ, мнѣ сказалъ. Я тебѣ сколько хочешь натру.

Обрадовался братъ: дай мнѣ хоть сѣвалки три.

— Ну чтожъ, говоритъ, пойдемъ въ лѣсъ, а то лошадь запряги — не унесешь.

Поѣхали въ лѣсъ, — сталъ Иванъ съ дуба листья натирать. Насыпалъ кучу большую.

— Будетъ, что ли? Обрадовался Тарасъ:

— Пока, будетъ, говоритъ. — Спасибо, Иванъ.

— То-то, говоритъ, коли тебѣ еще надо — приходи, я натру еще, — листу много осталось. Набралъ Тарасъ-брюханъ денегъ возъ цѣлый и уѣхалъ торговать.

Уѣхали оба брата. И сталъ Семенъ — воевать, а Тарасъ — торговать. И завоевалъ себѣ Семенъ-воинъ царство, а Тарасъ-брюханъ наторговалъ денегъ кучу большую.

Сошлись братья вмѣстѣ и открылись другъ другу: — откуда у Семена — солдаты, а у Тараса — деньги.

Семенъ-воинъ и говоритъ брату: я, говоритъ, царство себѣ завоевалъ, и мнѣ жить хорошо, только у меня денегъ нехватка — солдатъ кормить.

А Тарасъ-брюханъ говоритъ: А я, говоритъ, нажилъ денегъ бугоръ большой, только одно, говоритъ — горе: караулить денегъ некому.

Семенъ воинъ и говоритъ:

— Пойдемъ, говоритъ, къ брату, я велю ему еще солдатъ надѣлать — тебѣ отдамъ, твои деньги караулить, а ты вели ему мнѣ денегъ натереть, чтобъ было чѣмъ солдатъ кормить.

И поѣхали они къ Ивану. Пріѣзжаютъ къ Ивану, — Семенъ и говоритъ:

— Мнѣ мало, братецъ, моихъ солдатъ, сдѣлай мнѣ, говоритъ, еще солдатъ, хоть копны двѣ передѣлай.

Замоталъ головой Иванъ. — Даромъ, говоритъ, не стану больше тебѣ солдатъ дѣлать.

— Да, какъ же, говоритъ, ты обѣщалъ.

— Обѣщалъ, говоритъ, да не стану больше.

— Да отчего жъ, ты, дуракъ, не станешь?

— А оттого, что твои солдаты человѣка до смерти убили. Не дамъ больше. Такъ и уперся, не сталъ больше дѣлать солдатъ.

Сталъ и Тарасъ-брюханъ просить Ивана дурака, чтобъ онъ ему еще золотыхъ денегъ надѣлалъ.

Замоталъ головой Иванъ. Даромъ, говоритъ, не стану больше тереть.

— Да какъ же, ты, говоритъ, обѣщалъ.

— Обѣщалъ, говоритъ, да не стану больше.

— Да отчего же ты, дуракъ, не станешь?

— А оттого, что твои золотые у Михайловны корову отняли.

— Какъ отняли?

— Такъ, отняли. Была у Михайловны корова, ребята молоко хлебали, а намедни пришли ея ребята ко мнѣ молока просить. Я и говорю имъ: — А ваша корова гдѣ? Говорятъ: — Тараса-брюхана приказчикъ пріѣзжалъ, мамушкѣ три золотыя штучки далъ, а она ему и отдала корову, намъ теперь хлебать нечего. Я думалъ, ты золотыми штучками играть хочешь, а ты у ребятъ корову отнялъ: — не дамъ больше. И уперся дуракъ, не далъ больше. Такъ и уѣхали братья.

Уѣхали братья и стали судить, какъ имъ своему горю помочь. Семенъ и говоритъ:

— Давай, вотъ что сдѣлаемъ. Ты мнѣ денегъ дай — солдатъ кормить, а я тебѣ половину царства съ солдатами отдамъ, твои деньги караулить.

Согласился Тарасъ. Подѣлились братья, и стали оба царями, и оба богаты.

VIII.

А Иванъ дома жилъ, отца съ матерью кормилъ, съ нѣмой дѣвкой въ полѣ работалъ.

Только случилось разъ — заболѣла у Ивана собака дворная старая, опаршивѣла, стала издыхать. Пожалѣлъ ее Иванъ — взялъ хлѣба у нѣмой, положилъ въ шапку, вынесъ собакѣ, — кинулъ ей. А шапка продралась и выпалъ съ хлѣбомъ одинъ корешокъ. Слопала его съ хлѣбомъ собака старая. — И только проглотила корешокъ, вскочила собака, заиграла, залаяла, хвостомъ замахала — здорова стала.

Увидали отецъ съ матерью — удивились. — Чѣмъ ты, говорятъ, собаку вылѣчилъ?

А Иванъ и говоритъ:

— У меня два корешка были — отъ всякой боли лѣчатъ. — Такъ она и слопала одинъ.

И случилось въ это время, что заболѣла у царя дочь, и повѣстилъ царь по всѣмъ городамъ и селамъ, кто вылѣчитъ ее, того онъ наградитъ, и, если холостой, — за того и дочь замужъ отдастъ. Повѣстили и у Ивана въ деревнѣ.

Позвали отецъ съ матерью Ивана и говорятъ ему: —

— Слышалъ ты, чтó царь повѣщаетъ? — Ты сказывалъ, что у тебя корешокъ есть, поѣзжай, вылѣчи царскую дочь. Ты на вѣкъ счастье получишь.

— Ну, чтожъ, говоритъ.

— И собрался Иванъ ѣхать: одѣли его. Выходитъ Иванъ на крыльцо — видитъ: стоитъ побирушка косорукая.

— Слышала я, говоритъ, что ты лѣчишь. Вылѣчи мнѣ руку, а то и обуться сама не могу.

Иванъ и говоритъ:

— Ну, чтожъ! Досталъ корешокъ, — далъ побирушкѣ — велѣлъ проглотить. Проглотила побирушка и выздоровѣла, сейчасъ стала рукой махать. Вышли отецъ съ матерью Ивана къ царю провожать, услыхали, что Иванъ послѣдній корешокъ отдалъ, и нечѣмъ царскую дочь лѣчить, стали его отецъ съ матерью ругать.

Побирушку, говорятъ, пожалѣлъ, а царскую дочь не жалѣешь. Жалко стало Ивану и царскую дочь. Запрегъ онъ лошадь, кинулъ соломы въ ящикъ и сѣлъ ѣхать.

— Да куда же ты, дуракъ?

— Царскую дочь лѣчить.

— Да, вѣдь, тебѣ лѣчить нечѣмъ.

— Ну что жъ, говоритъ, и погналъ лошадь. Пріѣхалъ на царскій дворъ, и только ступилъ на крыльцо, выздоровѣла царская дочь.

Обрадовался царь, велѣлъ звать къ себѣ Ивана, одѣлъ его, нарядилъ. — Будь, говоритъ, ты, мнѣ зятемъ.

— Ну, что жъ, говоритъ. И женился Иванъ на царевнѣ. А царь вскорѣ померъ. И сталъ Иванъ царемъ.

Такъ стали царями всѣ три брата.

IX.

Жили три брата — царствовали.

Хорошо жилъ старшій братъ Семенъ-воинъ. Набралъ онъ съ своими соломенными солдатами настоящихъ солдатъ. И всѣхъ обучилъ.

И стали его всѣ бояться.

Хорошо жилъ и Тарасъ-брюханъ. Онъ, свои деньги, что̀ забралъ отъ Ивана, не растерялъ, а большой приростъ имъ сдѣлалъ.

Деньги держалъ онъ у себя въ сундукахъ, а съ народа взыскивалъ деньги.

За денежки къ нему всего несутъ и работать идутъ, потому что всякому деньги нужны.

Не плохо жилъ и Иванъ дуракъ. Какъ только похоронили тестя, снялъ онъ все царское платье — женѣ отдалъ въ сундукъ спрятать; — опять надѣлъ посконную рубаху, по̀ртки и лапти обулъ, и взялся за работу.

— Скучно, говоритъ, мнѣ: брюхо рости стало, и ѣды, и сна нѣтъ.

Привезъ отца съ матерью и дѣвку нѣмую, и сталъ опять работать.

Узнали всѣ, что Иванъ дуракъ. Жена ему и говоритъ:

— Про тебя говорятъ, что ты дуракъ.

— Ну, что жъ, говоритъ.

Подумала, подумала жена Иванова, а она тоже дура была. — Что же, мнѣ, говоритъ, противъ мужа итти. Куда иголка, туда и нитка: — посняла царское платье, положила въ сундукъ, пошла къ дѣвкѣ нѣмой, работѣ учиться. Научилась работать, стала мужу пособлять.

И ушли изъ Иванова царства всѣ умные, остались одни дураки. — Денегъ ни у кого не было. Жили — работали, сами кормились и людей добрыхъ кормили.

X.

Ждалъ, ждалъ старый дьяволъ вѣстей отъ чертенятъ о томъ, какъ они трехъ братьевъ разорили — нѣтъ вѣстей никакихъ; пошелъ самъ провѣдать — искалъ, искалъ, нигдѣ не нашелъ, только три дыры отыскалъ. — Ну, думаетъ: видно не осилили — надо самому приниматься.

Пошелъ разыскивать, а братьевъ на старыхъ

мѣстахъ уже нѣтъ. Нашелъ онъ ихъ въ разныхъ царствахъ. Всѣ три живутъ — царствуютъ. Обидно показалось старому дьяволу.

— Ну, говоритъ, возьмусь-ка я самъ за дѣло.

Пошелъ онъ прежде всего къ Семену-царю. Пошелъ онъ не въ своемъ видѣ, а оборотился воеводой, — пріѣхалъ къ Семену-царю.

— Слышалъ я, говоритъ, что ты, Семенъ-царь воинъ большой, а я этому дѣлу твердо наученъ, — хочу тебѣ послужить. Сталъ его разспрашивать Семенъ-царь, видитъ: человѣкъ умный, — взялъ на службу.

Сталъ новый воевода Семена-царя научать, какъ сильное войско собрать, ружья и пушки новыя завести. Я тебѣ такія ружья заведу, что будутъ сразу по сту пуль выпускать, какъ горохомъ будутъ сыпать. А пушки заведу такія, что они будутъ огнемъ жечь. Человѣка ли, лошадь ли, стѣну ли — все сожжетъ.

Послушался Семенъ-царь воеводы новаго — велѣлъ всѣхъ подъ-рядъ молодыхъ ребятъ въ солдаты брать, и заводы новые завелъ: надѣлалъ ружей, пушекъ новыхъ и сейчасъ же на сосѣдняго царя войною пошелъ. Только вышло на встрѣчу войско, велѣлъ Семенъ-царь своимъ солдатамъ пустить по немъ пулями и огнемъ изъ

пушекъ; сразу перекалѣчилъ, пережегъ половину войска. Испугался сосѣдній царь, покорился и царство свое отдалъ. Обрадовался Семенъ-царь. — Теперь, говоритъ, я индѣйскаго царя завоюю. А индѣйскій царь услыхалъ про Семена-царя и перенялъ отъ него всѣ выдумки, да еще свои выдумалъ. Сталъ индѣйскій царь не однихъ молодыхъ ребятъ въ солдаты брать, а и всѣхъ бабъ холостыхъ въ солдаты забралъ, и стало у него войска еще больше, чѣмъ у Семена-царя; а ружья и пушки всѣ отъ Семена-царя перенялъ, да еще придумалъ по воздуху летать и бомбы разрывныя сверху кидать.

Пошелъ Семенъ-царь войной на индѣйскаго царя, — думалъ, какъ и прежняго повоевать, да рѣзала коса, да нарѣзалась; не допустилъ царь индѣйскій Семенова войска до выстрѣла, а послалъ своихъ бабъ по воздуху на Семеново войско разрывныя бомбы кидать. Стали бабы съ верху на Семеново войско, какъ буру на таракановъ, бомбы посыпать, разбѣжалось все войско Семеново, и остался Семенъ-царь одинъ. Забралъ индѣйскій царь Семеново царство, а Семенъ-воинъ убѣжалъ, куда глаза глядятъ.

Обдѣлалъ этого брата старый дьяволъ и пошелъ къ Тарасу-царю. Оборотился онъ въ купца

и поселился въ Тарасовомъ царствѣ, сталъ заведенье заводить, сталъ денежки выпускать. Сталъ купецъ за всякую вещь дорого платить, и бросился весь народъ къ купцу — деньги добывать. И завелось у народа денегъ такъ много, что всѣ недоимки выплатили и въ срокъ всѣ подати подавать стали. Обрадовался Тарасъ. Спасибо, думаетъ, купцу, теперь у меня денегъ еще прибавится, — житье мое еще лучше станетъ. — И сталъ Тарасъ новый домъ строить: — повѣстилъ народу, чтобъ везли ему лѣсъ, камень и шли работать, назначилъ за все цѣны высокія. Думалъ Тарасъ, что по прежнему, за его денежки повалитъ къ нему народъ работать. Глядь, весь лѣсъ и камень къ купцу везутъ, и весь рабочій народъ къ нему валитъ. Прибавилъ Тарасъ цѣну, а купецъ еще накинулъ. У Тараса денегъ много, а у купца еще больше, и перебилъ купецъ цѣну. Сталъ домъ Тарасовъ, не строится. Затѣянъ былъ у Тараса-царя садъ. Пришла осень, повѣщаетъ Тарасъ, чтобъ народъ шелъ къ нему садъ сажать, — не выходитъ никто, — весь народъ купцу прудъ копаетъ. Пришла зима; задумалъ Тарасъ мѣховъ собольихъ купить на шубу новую, посылаетъ покупать; — приходитъ посолъ — говоритъ нѣту соболей;

всѣ мѣха у купца, онъ дороже далъ, и изъ соболей коверъ сдѣлалъ. Понадобилось Тарасу себѣ жеребцовъ купить — послалъ покупать — приходятъ послы: всѣ жеребцы хорошіе у купца, ему воду возятъ, прудъ наливать. Стали всѣ дѣла Тараса; ничего ему не дѣлаютъ, а все дѣлаютъ купцу, а ему только купцовы деньги несутъ.

И набралось у Тараса денегъ столько, что класть некуда, а житье плохое стало. Пересталъ ужъ Тарасъ затѣи затѣвать, только бы ужъ какъ нибудь прожить, и того не можетъ. Во всемъ стѣсненье стало. Стали отъ него и повара, и кучера, и слуги къ купцу отходить. Стало ужъ и ѣды не доставать. Пошлетъ на базаръ купить что — ничего нѣтъ; — все купецъ перекупилъ, а ему только денежки несутъ.

Разсердился Тарасъ и выслалъ купца за границу, а купецъ на самой границѣ сѣлъ — все то-же дѣлаетъ: все такъ же за купцовы денежки отъ него тащатъ все къ купцу. Совсѣмъ плохо царю стало: — по цѣлымъ днямъ не ѣстъ, да еще слухъ прошелъ, что купецъ хвалится, что онъ и самого Тараса купить хочетъ. Заробѣлъ царь Тарасъ и не знаетъ, какъ быть.

Пріѣзжаетъ къ нему Семенъ-воинъ и гово-

ритъ: поддержи, говоритъ, меня, — меня индѣйскій царь повоевалъ. А Тарасу самому ужъ узломъ дошло.

— Я, говоритъ, самъ два дня не ѣлъ.

XI.

Обдѣлалъ старый дьяволъ обоихъ братьевъ и пошелъ къ Ивану. Оборотился старый дьяволъ въ воеводу, пришелъ къ Ивану, и сталъ его уговаривать, чтобъ онъ у себя войско завелъ.

— Царю, говоритъ, не годится безъ войска жить. Ты мнѣ прикажи только, а я соберу изъ твоего народа солдатъ и войско заведу.

Отслушалъ его Иванъ. — Ну, что жъ, говоритъ, заведи — да пѣсни ихъ научи играть половчѣе, я это люблю. Сталъ старый дьяволъ по Иванову царству ходить, солдатъ по волѣ собирать: — объявилъ, чтобъ шли всѣ лбы брить — каждому штофъ водки и красная шапка будетъ.

Посмѣялись дураки. — Вино, говорятъ, у насъ вольное, мы сами куримъ, а шапки намъ бабы, какія хочешь, хоть пестрыя сошьютъ, да еще съ мохрами.

Такъ и не пошелъ никто. Приходитъ ста-

рый дьяволъ къ Ивану. — Не идутъ, говоритъ, твои дураки охотой — надо ихъ силомъ пригонять.

— Ну, что жъ, говоритъ, пригоняй силомъ.

И повѣстилъ старый дьяволъ, чтобъ шли всѣ дураки въ солдаты записываться, а кто не пойдетъ, того Иванъ смерти предастъ.

Пришли дураки къ воеводѣ и говорятъ:

Говоришь, ты, намъ, что коли мы въ солдаты не пойдемъ, насъ царь смерти предастъ, а не сказываешь, что съ нами въ солдатствѣ будетъ. Сказываютъ и солдатъ до смерти убиваютъ.

— Да, не безъ того.

Услыхали это дураки — уперлись.

— Не пойдемъ, говорятъ. Ужъ лучше, пускай дома смерти предадутъ. Ея и такъ не миновать.

— Дураки, вы, дураки, говоритъ старый дьяволъ: солдата еще убьютъ ли, нѣтъ ли, а не пойдешь — Иванъ-царь навѣрно смерти предастъ.

Задумались дураки — пошли къ Ивану дураку, спрашивать: проявился, говорятъ, воевода, велитъ намъ всѣмъ въ солдаты итти. Коли пойдете, говоритъ, въ солдаты; такъ васъ убь-

ютъ ли, нѣтъ ли, а не пойдете, такъ васъ царь Иванъ навѣрно смерти предастъ. Правда-ли это?

Засмѣялся Иванъ.

— Какъ же, говоритъ, я одинъ, васъ всѣхъ смерти предамъ? Кабы не дуракъ былъ, я бы вамъ растолковалъ, а то я и самъ не пойму.

— Такъ, мы, говорятъ, не пойдемъ.

— Ну, что жъ, говоритъ, не ходите.

Видитъ старый дьяволъ — не беретъ его дѣло: — пошелъ къ тараканскому царю; поддѣлался.

— Пойдемъ, говоритъ, войной, завоюемъ Ивана царя. У него только денегъ нѣтъ, а хлѣба, и скота, и всякаго добра много.

Пошелъ тараканскій царь войною: собралъ войско большое, — ружья, пушки наладилъ — вышелъ на границу, сталъ въ Иваново царство входить.

Пришли къ Ивану и говорятъ:

На насъ тараканскій царь войной идетъ.

— Ну, что жъ, говоритъ, пускай идетъ.

Перешелъ тараканскій царь съ войскомъ границу, послалъ передовыхъ разыскивать Иваново войско. Искали, искали — нѣтъ войска. Ждать, пождать — не окажется ли гдѣ? И слуха нѣтъ

про войско, не съ кѣмъ воевать. Послалъ тараканскій царь захватить деревни. Пришли солдаты въ одну деревню — выскочили дураки, дуры — смотрятъ на солдатъ — дивятся. Стали солдаты отбирать у дураковъ хлѣбъ, скотину: — дураки отдаютъ и никто не обороняется. Пошли солдаты въ другую деревню — все то же. Походили солдаты день, походили другой — вездѣ все тоже; — все отдаютъ — никто не обороняется, и зовутъ къ себѣ жить: коли вамъ, сердешные, говорятъ, на вашей сторонѣ житье плохое, приходите къ намъ совсѣмъ жить. Походили, походили солдаты — нѣтъ войска; а все народъ живетъ — кормится и людей кормитъ, и не обороняется, и зоветъ къ себѣ жить.

Скучно стало солдатамъ, пришли къ своему тараканскому царю.

— Не можемъ, мы, говорятъ, воевать, — отведи насъ въ другое мѣсто: — добро бы война была, а это что — какъ кисель рѣзать. Не можемъ больше тутъ воевать.

Разсердился тараканскій царь, велѣлъ солдатамъ по всему царству пройти, разорить деревни, дома, хлѣбъ сжечь, скотину перебить. — Не послушаете, говоритъ, моего приказа — всѣхъ, говоритъ, васъ расказню.

Испугались солдаты, стали дома, хлѣбъ — жечь, скотину бить. Все не обороняются дураки, только плачутъ. Плачутъ старики, плачутъ старухи, плачутъ малые ребята.

За что, говорятъ, вы насъ обижаете? Зачѣмъ, говорятъ, вы добро дуромъ губите, коли вамъ нужно, вы лучше себѣ берите.

Гнусно стало солдатамъ. Не пошли дальше, и все войско разбѣжалось.

XII.

Такъ и ушелъ старый дьяволъ — не пронялъ Ивана солдатами.

Оборотился старый дьяволъ въ господина чистаго и пріѣхалъ въ Иваново царство жить, хотѣлъ его такъ же, какъ Тараса-брюхана, деньгами пронять. — Я, говоритъ, хочу вамъ добро сдѣлать: — уму-разуму научить. Я, говоритъ, у васъ домъ построю и заведенье заведу.

— Ну, что жъ, говорятъ, — живи.

Переночевалъ господинъ чистый и на утро вышелъ на площадь, вынесъ мѣшокъ большой золота и листъ бумаги, и говоритъ: Живете, вы, говоритъ, всѣ какъ свиньи, — хочу я васъ научить, какъ жить надо. Стройте мнѣ, говоритъ,

домъ, по плану по этому: — вы работайте, а я показывать буду, и золотыя деньги буду платить. И показалъ имъ золото. Удивились дураки: — у нихъ денегъ въ заводѣ не было, а они другъ дружкѣ вещь за вещь мѣняли и работой платили. Подивились они на золото, — хороши, говорятъ, штучки. И стали господину за золотыя штучки вещи и работу мѣнять. Сталъ старый дьяволъ, какъ и у Тараса, золото выпускать; и стали ему за золото всякія вещи мѣнять, и всякія работы работать. Обрадовался старый дьяволъ — думаетъ: пошло мое дѣло на ладъ: разорю теперь дурака, какъ и Тараса и куплю его съ потрохомъ совсѣмъ. Только забрались дураки золотыми деньгами, роздали всѣмъ бабамъ на ожерелья, всѣ дѣвки въ косы вплели; и ребята ужъ на улицѣ, въ штучки играть стали: у всѣхъ много стало, и не стали больше брать. А у господина чистаго еще хоромы на половину не отстроены, и хлѣба, и скотины еще не запасено на годъ. И повѣщаетъ господинъ, чтобъ шли къ нему работать, чтобъ ему хлѣбъ везли, скотину вели, за всякую вещь и за всякую работу золотыхъ много давать будетъ.

Нейдетъ никто работать, и не несутъ ни-

чего. Только забѣжитъ когда мальчикъ или дѣвочка, яичко на золотой промѣняетъ; а то нѣтъ никого, и ѣсть ему стало нечего. Проголодался господинъ чистый, пошелъ по деревнѣ, себѣ на обѣдъ купить, — сунулся на одинъ дворъ, даетъ золотой за курицу, не беретъ хозяйка. — У меня, говоритъ, много и такъ; сунулся къ бобылкѣ — селедку купить — даетъ золотой: — не нужно мнѣ, говоритъ, милый человѣкъ, у меня, говоритъ, дѣтей нѣтъ, играть некому, а я и то три штучки для рѣдкости взяла. Сунулся къ мужику за хлѣбомъ: не взялъ и мужикъ денегъ: мнѣ не нужны, говоритъ. Нечто ради Христа, говоритъ, такъ подожди я велю бабѣ отрѣзать. Заплевалъ даже дьяволъ, убѣжалъ отъ мужика. Не то, что взять ради Христа, а и слышать-то ему это слово — хуже ножа.

Такъ и не добылъ хлѣба. Забрались всѣ: — куда ни пойдетъ старый дьяволъ — никто не даетъ ничего за деньги, а всѣ говорятъ: что нибудь другое принеси, или приходи работать, или ради Христа возьми. А у дьявола нѣтъ ничего, кромѣ денегъ, работать неохота; а ради Христа нельзя ему взять. Разсердился старый дьяволъ. — Чего, говоритъ, вамъ еще нужно,

когда я вамъ деньги даю. Вы за золото все купите и всякаго работника наймете.

Не слушаютъ его дураки. — Нѣтъ, говорятъ, намъ ненужно, куда намъ деньги.

Легъ, не ужинавши, спать старый дьяволъ.

Дошло это дѣло до Ивана дурака. — Пришли къ нему, спрашиваютъ: что намъ дѣлать? Проявился у насъ господинъ чистый — ѣсть, пить любитъ сладко, одѣваться любитъ чисто, а работать не хочетъ и Христа ради не проситъ, только золотыя штучки всѣмъ даетъ. Давали ему прежде всего, пока не забрались, а теперь не даютъ больше. Что намъ съ нимъ дѣлать? Какъ бы не померъ съ голода.

Отслушалъ Иванъ. — Ну, что жъ, говоритъ! Кормить надо. Пускай по дворамъ, какъ пастухъ ходитъ.

Нечего дѣлать, сталъ старый дьяволъ по дворамъ ходить. Дошла очередь и до Иванова двора. Пришелъ старый дьяволъ обѣдать, а у Ивана дѣвка нѣмая обѣдать собирала. Обманывали ее часто тѣ, кто ленивѣе. Неработамши придутъ раньше къ обѣду — всю кашу поѣдятъ. И исхитрилась дѣвка нѣмая лодырей по рукамъ узнавать: — у кого мозоли на рукахъ, того сажаетъ, а у кого нѣтъ, тому объ-

ѣдки даетъ. Полѣзъ старый дьяволъ за столъ, а нѣмая дѣвка ухватила его за руки, посмотрѣла — нѣтъ мозолей, и руки чистыя, гладкія, и когти длинные. — Замычала нѣмая и вытащила дьявола изъ-за стола.

А Иванова жена ему и говоритъ:

— Не взыщи, господинъ чистый: золовка у насъ безъ мозолей на рукахъ за столъ не пускаетъ. Вотъ дай срокъ, люди поѣдятъ, тогда доѣдай, что останется.

Обидѣлся старый дьяволъ, что его у царя со свиньями кормить хотятъ. Сталъ Ивану говорить: дурацкій, говоритъ, у тебя законъ въ царствѣ, что-бы всѣмъ людямъ руками работать. Это вы по глупости придумали! Развѣ однѣми руками люди работаютъ. — Ты думаешь, чѣмъ умные люди работаютъ?

А Иванъ говоритъ:

— Гдѣ намъ дуракамъ знать, мы все норовимъ руками да горбомъ.

— Это оттого, что вы дураки. А я, говоритъ, научу васъ, какъ головой работать, — тогда вы узнаете, что головой работать спорѣе, чѣмъ руками.

Удивился Иванъ. — Ну? говоритъ: не даромъ насъ дураками зовутъ.

И сталъ старый дьяволъ говорить: — Только нелегко, говоритъ, и головой работать. — Вы, вотъ, мнѣ ѣсть не даете оттого, что у меня нѣтъ мозолей на рукахъ, а того не знаете, что головой во сто разъ труднѣе работать. Другой разъ и голова трещитъ.

Задумался Иванъ. — Зачѣмъ же ты, говоритъ, сердечный, такъ себя мучаешь? Развѣ легко, какъ голова затрещитъ. Ты бы ужъ лучше легкую дѣлалъ работу — руками да горбомъ.

А дьяволъ говоритъ:

— Затѣмъ я себя такъ мучаю, что я васъ дураковъ жалѣю. Кабы я себя не мучилъ, вы бы вѣкъ дураками были. А я головой поработалъ, теперь и васъ научу.

Подивился Иванъ:

— Научи, говоритъ, а то другой разъ руки уморятся, такъ ихъ головой перемѣнить.

И обѣщался дьяволъ научить.

И повѣстилъ Иванъ всему царству, что проявился господинъ чистый и будетъ всѣхъ учить, какъ головой работать, и что головой можно выработать больше, чѣмъ руками, чтобъ приходили учиться.

Была въ Ивановомъ царствѣ каланча высо-

кая построена, и на нее лѣстница прямая, а на верху — вышка. И свелъ Иванъ туда господина, чтобы ему на виду быть.

Сталъ господинъ на каланчу, и началъ оттуда говорить. А дураки собрались смотрѣть. Дураки думали, что господинъ станетъ на дѣлѣ показывать, какъ безъ рукъ головой работать. А старый дьяволъ только на словахъ училъ, какъ, не работамши, прожить можно.

Не поняли ничего дураки. Посмотрѣли, посмотрѣли и разошлись по своимъ дѣламъ.

Простоялъ старый дьяволъ день на каланчѣ, простоялъ другой — все говорилъ. Захотѣлось ему ѣсть. А дураки и не догадались ему на каланчу хлѣбца принесть. Они думали, что если онъ головой можетъ лучше рукъ работать, такъ ужъ хлѣба то себѣ шутя головой добудетъ. Простоялъ и другой день старый дьяволъ на вышкѣ, все говорилъ. А народъ подойдетъ, — посмотритъ, посмотритъ и разойдется.

Спрашиваетъ Иванъ: — Ну что, господинъ началъ ли головой работать?

Нѣтъ еще, говорятъ, все лопочетъ.

Простоялъ еще день старый дьяволъ на вышкѣ и сталъ слабѣть, — пошатнулся разъ и стукнулся головой объ столбъ. Увидалъ одинъ

дуракъ, сказалъ Ивановой женѣ, а Иванова жена прибѣжала къ мужу на пашню.

— Пойдемъ, говоритъ, — смотрѣть: говорятъ, господинъ зачинаетъ головой работать. Подивился Иванъ.

— Ну? говоритъ. Завернулъ лошадь, пошелъ къ каланчѣ. Приходитъ къ каланчѣ, а старый дьяволъ ужъ вовсе съ голоду ослабѣлъ, сталъ пошатываться, головой объ столбы постукивать. Только подошелъ Иванъ, спотыкнулся дьяволъ, упалъ и загремѣлъ подъ лѣстницу, торчмя головой: всѣ ступеньки пересчиталъ.

— Ну, говоритъ Иванъ: — правду сказалъ господинъ чистый, что другой разъ и голова затрещитъ, это не то, что мозоли; отъ такой работы желваки на головѣ будутъ. Свалился старый дьяволъ подъ лѣстницу и уткнулся головой въ землю. Хотѣлъ Иванъ подойти — посмотрѣть, много ли онъ наработалъ — вдругъ, разступилась земля и провалился старый дьяволъ сквозь землю, — только дыра осталась.

Почесался Иванъ. — Ишь, ты! говоритъ, пакость какая. Это опять онъ. Должно батька тѣмъ, — здоровый какой.

Живетъ Иванъ и до сихъ поръ, и народъ весь валитъ въ его царство, и братья пришли

къ нему, и ихъ онъ кормитъ. Кто придетъ — скажетъ: — корми насъ. Ну, что-жъ, говоритъ, живите, у насъ всего много. Только одинъ обычай у него и есть въ царствѣ: у кого мозоли на рукахъ — полѣзай за столъ, а у кого нѣтъ, — тому объѣдки.

КОНЕЦЪ.

Типографія Г. Неца (Липпертъ и Ко.), Наумбургъ н/С.

